

А. П. Мельников
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

В современном мире политическая культура является одним из основных элементов, составляющих духовный потенциал общества, отражающий степень его политической цивилизованности. Поэтому политическую культуру можно правильно понять лишь в том случае, если рассматривать ее как часть общей культуры конкретного общества, которая связана с общенациональной культурой. Однако особенность данного социального феномена заключается еще и в том, что в нем аккумулируются содержательные характеристики и отличительные признаки политики и культуры одновременно, проявляется их генетическая взаимосвязь. Культура «включена» в мир политики своими представлениями об идеалах и нравственных эталонах политических отношений. Политика, в свою очередь, определяет содержание и направленность культурного развития общества, условия и возможности использования ее достижений. Если политика как бы «вплетена» в культуру общества, то и политическая культура выступает ее интегральной составляющей. Наблюдающийся ныне повышенный интерес к проблемам политической культуры обусловлен происходящими в мире социокультурными и геополитическими сдвигами, расширением международных связей, возрастанием роли сознательного и ответственного выбора целей и средств преобразовательной деятельности. На повышение интереса к этой проблематике оказали влияние военные столкновения, обостряющиеся противоречия идеологий, религий, этносов и т. д. Что же такое политическая культура? Категория политической культуры многоплановая. Она характеризует как образ поведения и деятельности индивидуальных и коллективных субъектов в сфере политики, так и способ функционирования и развития политических институтов и политической системы в целом. Политическую культуру часто называют основой всей политической деятельности, поскольку она позволяет выявить глубинные причины специфики политического поведения разных социально-политических общностей даже при сходных условиях существования.

Понятие политической культуры было сформулировано в западной (точнее англо-американской) политологии в конце 50-х годов XX в. В современной науке сложились два основных подхода к толкованию категории политической культуры. Одни ученые под политической культурой понимают совокупность духовных явлений в мире политики, форму политического сознания (Г. Алмонд, С. Верба). Другие в понятие политической культуры включают не только политические нормы и принципы, но и проявления политического поведения, политической деятельности в широком смысле слова (Д. Пол, П. Шаран). Ведь далеко не все в нашей деятельности контролируется и фиксируется сознанием, а значит, не все модели поведения индивидов и групп можно вывести из моделей сознания. Наиболее адекватной, по-видимому, будет интегрированная позиция этих двух подходов. Политическая культура как часть духовной культуры включает элементы последней, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами. Она оказывает влияние на формы, функционирование и развитие политических учреждений, задает направление политическому процессу, обуславливает политическое поведение широких слоев населения. Политическая культура – материя тонкая, изменчивая, чутко реагирующая на малейшие перемены в социуме. В ней слиты воедино принятые

официально в обществе политические принципы, нормы, правила и существующие неофициальные установки, тенденции и обычаи, которые в значительной мере определяют политическое поведение, например, электората.

Также в ней присутствуют, взаимодействуя, общественно-политический опыт, настоящее и прошлое, национальное и региональное, личностное и групповое, определяя политическое поведение субъектов политической культуры. Таким образом, политическая культура – это совокупный показатель политического опыта, уровня политических знаний и чувств, образцов поведения и функционирования политических субъектов, интегральная характеристика политического образа жизни общества, нации, социальной группы, индивидов. Особенность политической культуры заключается в том, что она не просто составляет политику или политический процесс, но их осознание и объяснение: в политической сфере зачастую значимость приобретают не только реальные действия и меры, предпринятые государством, но и то, как они оцениваются и воспринимаются людьми. Политическую культуру можно рассматривать в качестве посредника между областями социальных отношений, культурными нормами, стереотипами и политическими процессами. Если давать определение рассматриваемому понятию, то можно сказать, что политическая культура – это система исторически сложившихся, относительно устойчивых представлений и моделей поведения, проявляющихся в деятельности субъектов политического процесса. Иными словами, это совокупность политических знаний, убеждений и принципов, проявляющихся в способах и результатах политической деятельности людей. Это качественная характеристика политической сферы жизни общества.

Политическая культура в качестве структурных элементов включает в себя культуру политического сознания, культуру политического действия и культуру функционирования политических институтов. Если структурировать политическую культуру на уровне отдельного индивида, то здесь можно выделить политические знания, политические убеждения, политическое поведение. Как отмечает Н. В. Скок, «политическая культура представляет собой целостную систему ценностных, познавательных, поведенческих элементов, функционирующих в реальной окружающей среде».

Что представляет собой ценностный элемент? Это исторически сложившиеся социальные ценности, которыми руководствуются субъекты политической деятельности. Они отражают определенные архетипы поведения, служат ориентирами при выборе целей и средств их осуществления. К базисным ценностям относятся свобода, справедливость, равенство, безопасность, социальная ответственность, национальное единство и согласие. Обладая относительной устойчивостью и исторической преемственностью, они отражают общечеловеческие представления об идеальных моделях общественного устройства и поведенческих нормах, этически приемлемых способах политической деятельности. Познавательный компонент составляют доминирующие в обществе или наиболее характерные для той или иной социальной группы типичные представления о разных аспектах политической жизни общества: о политике, политической власти, политической системе, политическом режиме; о механизме политического управления, принятии политических решений, политических лидерах; о собственном месте в политической жизни, об эффективности участия в политической деятельности и т. д. Иначе говоря, в качестве познавательного компонента политической культуры выступают устойчивые стереотипы политического мышления,

политического сознания во всех его формах и проявлениях. Поведенческий элемент включает политические установки, типы, формы, стили, образцы общественно-политической деятельности, политическое поведение, которые способствуют переводу представлений и ценностей в плоскость практической реализации. Политическая установка – это отношение субъекта к политическим явлениям, а политическое поведение – это тот или иной способ реагирования субъекта на происходящие события. Политическая установка и политическое поведение существуют в органичном единстве, их устойчивые стереотипы составляют неперенный компонент политической культуры личности, социальной группы, этноса или общества в целом. Для политической культуры любого общества характерны свои особенности, которые отражают присущие только данному обществу нормы, ценности, стереотипы, формы политического участия и властных отношений. На политическую культуру накладывают отпечаток исторические условия и национальные традиции, мировоззренческие установки и религиозные верования, особенности геополитического положения того или иного этноса. Она является продуктом цивилизационного развития, восхождения человечества на все более высокие ступени культурного и нравственного бытия. Значительную роль здесь играет достигнутый уровень социально-экономического развития общества, политический режим, законодательная обеспеченность осуществления политических и гражданских прав, уровень образования, правовой культуры населения и многое другое.

В конечном счете, все это наряду с общекультурным генотипом, который включает в себя устойчивые способы политической самоорганизации этнической общности, является системообразующим началом национальной политической культуры.

Этот специфический стержень, называемый «архетипом», «генетическим кодом» или собственно «традицией», определяет национальный характер, политический менталитет каждой отдельной нации, задает ценностную легитимизацию соответствующего политического поведения. Выражая этот «генетический код» народа, его дух в символах и атрибутах государственности, политические культуры разных народов не являются замкнутыми. Претерпевая эволюцию и вбирая в себя свойства и достижения других культур, они несут на себе отпечаток всего политико-культурного многообразия человечества. «В современном мире не существует культурной чистоты, – пишет английский философ С. Бенхабиб. – Трактовка культур как герметически запечатанных, подчиненных исключительно собственной внутренней логике, несостоятельна». Этот процесс взаимопроникновения и взаимообогащения усиливается в условиях глобализации, активизации диалога культур. Поэтому определить особенности, своеобразие, специфику политических культур различных народов довольно не просто. Необходимо учитывать множество факторов и моментов. Например, политическая культура США во многом определяется традициями, принесенными с европейского континента первыми поколениями переселенцев. Иначе говоря, на основе английских традиций происходило становление американской политической культуры. Ко времени начала заселения колоний Англия была страной с давними, вековыми традициями парламентаризма. Идеи представительного правления, верховенства закона, традиции гражданских свобод и местного самоуправления, утвердившиеся здесь, были успешно перенесены на новую почву.

Основной стабильности политической системы США является Конституция, принятая более 200 лет назад, в 1787 г., и действующая поныне, в то время как в других странах конституции менялись не однажды. Причины такого «долгожительства» заключаются в том, что, с одной стороны, многие статьи Конституции США изложены очень коротко, гибкими формулировками, что позволяет по-разному трактовать конституционные нормы в зависимости от исторической обстановки. С другой стороны, в конституции заключена система

поправок, что дает возможность дополнять ее новыми нормами и положениями. Большую роль в американской политической системе играет прецедент – понятие, унаследованное переселенцами от древней англосаксонской традиции, на основе которого в американском законодательстве возникли многие нормы, формально не являющиеся частью конституции, но имеющие силу конституционного закона.

Американцы гордятся своей конституцией, своей демократией по так называемым правилам «честной игры». В мире существуют различные, порой диаметрально противоположные, скептические мнения по поводу этой демократии, но нельзя не признать, что в американской политической системе заложено много элементов, способствующих ее стабильности. Ее невозможно расшатать усилиями каких-либо деструктивных внутренних сил. В целом следует отметить, что для политической культуры Соединенных Штатов характерно представление об особой значимости американской демократии, ее истории и принципов, ее превосходстве по отношению к политическим системам других стран. Здесь сформировалась идея об особой миссии, «предназначении судьбы» Америки, короче, идея о национальной исключительности американского народа как оплота свободы, хранителя демократических устоев. Убежденность в избранности Америки стала неотъемлемым элементом того сплава представлений, чувств и символов, который принято называть «американизмом».

Истоки «американской идеи» восходят еще к доктрине Монро – декларации принципов внешней политики США, провозглашенной в 1823 г. президентом Джеймсом Монро. Доктрина предупреждала европейские державы о том, что любая их экспансионистская деятельность как в Северной, так и в Южной Америке будет расцениваться как угроза жизненным интересам США. Впоследствии она неоднократно использовалась для оправдания вмешательства США во внутреннюю политику Латиноамериканских стран, т. е. фактически превратилась в инструмент завоевания пространства и превращения этого пространства в американскую континентальную империю.

Таким образом, идею «американской исключительности» можно свести к следующим положениям. США – уникальная страна, потому что она изначально развивалась особым путем, отличающимся от других стран. Благодаря этому именно там сложились наилучшие политические, экономические и культурные отношения для развития и реализации способностей человека, и потому США могут служить своего рода образцом для других стран. Поскольку американские ценности, такие, как демократия, свобода, права личности, являются лучшими и носят универсальный характер, то их должны заимствовать другие государства. Именно в этом заключается особое предназначение Америки – служить образцом для других народов и всячески способствовать распространению своих политических, культурных и иных ценностей в других странах, не останавливаясь, вплоть до «принуждения к демократии». В связи с рассматриваемой проблемой необходимо отметить еще один важный момент –

нетерпимость, которая присутствует в политической культуре США, но особенно остро проявляется в период кризисов, направляется на те группы граждан, чьи взгляды рассматриваются как антиамериканские. Эту норму американской политической культуры можно определить как нетерпимость ко всем взглядам и представлениям, не вписывающимся в рамки официальных представлений.

Говоря об особенностях американской политической культуры, необходимо отметить, прежде всего, ее прагматический характер: политика здесь выступает не в борьбе абстрактных сил добра и зла, а как столкновение групповых интересов, каждый из которых имеет право на существование. Главное, чтобы противоборство этих интересов осуществлялось по общепринятым здесь правилам. Отличительной особенностью этой политической культуры является приверженность консенсусу по основополагающим базовым ценностям. Отсюда и стабильность данной политической системы. Не менее важной чертой американской политической культуры является законопослушность граждан. Американцы уважают закон и ревностно следят за тем, чтобы власть тоже его уважала. Особенно жесткие требования предъявляются к высшим должностным лицам, которым неминуемо грозит отставка в случае вступления их в конфликт с законом, равно как и в случае нарушения моральных норм. Общественное мнение, средства массовой информации не потерпят попустительства.

Своеобразным моментом в политической культуре США выступает афроамериканский фактор, вернее, участие афроамериканцев в политике. По утверждению СМИ, именно афроамериканские организации и женское движение конкурируют сегодня между собой по степени влияния на социально-политические процессы в Америке. Темнокожие американцы по-прежнему По утверждению СМИ, именно афроамериканские организации И женское движение конкурируют сегодня между собой по степени влияния на социально-политические процессы в Америке продолжают активно отстаивать свои гражданские права, заметно также влияние ислама на афроамериканскую общину Соединенных Штатов. Так что эффект «плавительного тигля» не всегда просматривается в политической культуре Соединенных Штатов. Об этом с тревогой пишут многие американские исследователи: «Распространенные в свое время в США упования на то, что все группы иммигрантов будут ассимилированы в единую американскую культуру, не оправдались. Так, многие американцы английского, ирландского, немецкого, скандинавского, еврейского, итальянского, африканского, мексиканского или азиатского происхождения сохраняют в вопросах политики и политического курса те же пристрастия, что и их этнические братья». И в этом нет ничего необычного. В полиэтническом обществе, по-видимому, и не может быть иначе. Главное – чтобы было согласие по основным, базовым ценностям в политике. Несмотря на гомогенный в целом характер политической культуры США, специалисты выделяют в ней три специфические субкультуры: моралистическую, традиционалистскую и индивидуалистическую. Морализм предполагает оценку всего происходящего вокруг индивида сквозь призму этических норм. Обращение к ним происходит при оценке как собственных действий и намерений, так и поступков и взглядов других людей. Восходящая к пуританской традиции моралистическая субкультура рассматривает единение и сотрудничество членов общины как основу демократизации; активное участие в делах местного сообщества она полагает необходимым для всех граждан. Установка на моральные категории

распространяется в американском менталитете и за пределы межличностных отношений. События политического характера также оцениваются сквозь призму нравственных категорий. Этот феномен был отмечен еще А. Токвилем. В южных штатах США сохранились элементы традиционалистской субкультуры, что проявляется в признании социальной иерархии, особом взгляде на отношения элиты и покровительствуемых социальных групп. В политическом процессе на Юге особое значение придается семейным, дружественным связям; здесь предпочитают иметь дело не с безличной «партийной машиной», а действовать через традиционные кланы. Немалую роль играет принадлежность политика к определенному социальному кругу, к семье с аристократическими традициями и т. д. Индивидуалистическая политическая субкультура также является составной частью политической культуры США. Индивидуализм выступает в качестве самой яркой, доминирующей черты американского национального менталитета. Именно индивид, а не общество, государство или семья рассматривается здесь как главная ценность. При этом политика понимается как разновидность бизнеса, род политического торга, в котором стороны имеют взаимные обязательства, но каждая действует, исходя из собственных интересов. Утверждению индивидуализма как ценности в общественном сознании способствовала, прежде всего, психология иммигрантов, которые, по различным причинам покинув родину, могли рассчитывать только сами на себя. Само собой разумеется, индивидуализм присущ не только американской культуре, но и европейской. Однако в Европе его развитию противодействовали феодальные традиции и связанные с ними корпоративизм и общинность. В Америке таковых не было, поэтому здесь так ярко проявился индивидуализм. В связи с этим невольно возникает вопрос: как же сочетаются в политической культуре американцев индивидуализм и морализм? Несмотря на взаимоисключающий характер, они уживаются в общественном сознании, поскольку оперирование этими понятиями происходит в разных обстоятельствах и сферах. Индивидуализмом руководствуются тогда, когда надо что-то делать, а морализмом – когда надо рассуждать о том, как следует поступать правильно и справедливо.

Рассмотрим также политическую культуру Великобритании. Великобритания стала первой страной, где сформировалась политическая культура, в рамках которой начали эффективно функционировать политические институты и ценности либеральной демократии. Это государство с сильными традициями парламентаризма, которое характеризуется развитым гражданским обществом. Революция и гражданские войны XVII в., диктатура Кромвеля навсегда внушили британцам опасение перед радикальными формами социальных преобразований, научили ценить стабильность и порядок в жизни общества. С тех пор британскую политическую систему всегда характеризовало равновесие между правительственной властью и ограничениями, налагаемыми на эту власть. Ограничения выступали в форме широко понимаемых правил игры, например, оппозиции в парламенте; подотчетности сильной исполнительной власти парламенту и, в конечном счете, избирателям; различных политических и социальных, экономических сдержек и противовесов. Они позволяли поддерживать баланс между принципами свободы и порядка, между эффективностью действий правительства и его подотчетностью. В Великобритании формально нет конституции. Как отмечают исследователи, «специфический характер британской конституции состоит в ее неписанном характере, а следовательно, в особой системе регулирования отношений

законодательной и исполнительной властей – не путем зафиксированных в конституции юридических норм, а фактически путем обычно-правовых прецедентов или система так называемых парламентских соглашений». Отличительной особенностью политической культуры Великобритании является легитимность социально-политической системы, обусловленная соответствующей социальной политикой государства. Отсюда высокий уровень лояльности граждан к государственным политическим структурам, чувство гордости за отлаженный механизм их функционирования. По сравнению с другими странами Британию отличает низкий уровень политического насилия. Подчинение режиму основано на совокупности мотивов и санкций: привычке законопослушания, лояльности по отношению к нации и государству, личном интересе, вере в справедливость закона и неотвратимость наказания. Большинство британцев не представляет себе, что закон может быть несправедливым, не соответствовать нормам морали и т. д. Здесь нет противоречия между нормами права и нравственностью, поэтому просто непонятны поговорки типа: «Как вас судить: по совести или по закону?», «От тюрьмы и от сумы не зарекайся» и некоторые другие. Здесь настолько велико убеждение в незыблемости закона, что, как показывают социологические исследования, около половины опрошенных высказывают убежденность в том, что закону надо подчиняться, даже если он ошибочен. Политическое поведение англичан отличается, с одной стороны, их уверенностью в своей способности влиять на власть, с другой – определенной пассивностью, поскольку, доверяя правительству, они готовы воздержаться от активных политических действий. Правительство, таким образом, обладает достаточной самостоятельностью, чтобы действовать эффективно, оставаясь в то же время подотчетным гражданам.

Вообще из всех форм индивидуальных и коллективных действий британцы чаще ограничиваются голосованием, тем более что во время выборов проходит интенсивная политическая мобилизация избирателей политическими партиями.

В целом характер политического участия англичан обусловлен тем, что в британской политической культуре преобладает либеральная концепция гражданства как статуса, в котором акцент сделан на правах. Это облегчает выбор форм политического участия – преимущественно голосования и обращения к политическим лидерам. Изучение политического поведения показывает, что британских граждан нельзя назвать ни хорошо информированными, ни глубоко включенными в политику, ни особо активными. Г. Алмонд и С. Верба обнаружили несоответствие между политическим поведением опрошенных, с одной стороны, и их восприятием своей способности и обязанности действовать – с другой. По мнению исследователей, именно это позволяет сохранить баланс между властью правительственной элиты и ее ответственностью, поскольку принимающим решения необходимо верить в то, что обычные граждане обладают политическим влиянием.

Знаковым элементом политической культуры Великобритании выступает парламент. Зародившись еще в Средневековье, в XIII в., как орган сословного представительства, в глазах монархической Европы английский парламент выглядел символом вольнодумства, свободомыслия и непозволительной демократии. В этой связи хочется привести цитату из романа В. Пикуля «Нечистая сила» о впечатлении, какое произвел английский законодательный орган на делегацию Российской Государственной Думы во главе с Протопоповым, побывавшей в начале XX в. в Лондоне: «Английский парламент

и его нравы, – пишет В. Пикуль, – потрясли русских думцев. Впереди спикера бежали герольды, согласно древней традиции кричавшие: «Пусть иностранцы уходят! Пусть они уйдут...» Хвост черной мантии спикера несли пажи, на головах секретарей качались седые букли париков времен Кромвеля. Спикер садился на мешок с шерстью, а депутаты располагались на длинных скамьях, говоря свои речи – без вставания. И никто не кричал ораторам: «Федька, кончай трепаться... Ты опять выпил!» На все запросы парламента был готов ответ правительства, и невольно вспоминался Штюрмер, ходивший в павильоне Таврического дворца по стеночке, крадучись, будто кому-то должен, но вернуть долг не в состоянии. Министры, отвечая парламенту, опирались на ящик, в котором лежали Евангелие и клятва говорить правду, только правду, еще раз правду! А вечером, напомним легенды старого Лондона с ужасами убийств и грабежей, прошли по коридорам солидные привратники, выкрикивая старинный вопрос: «Кто идет домой? Кого проводить до дому?..».

Английские министры спрашивали Протопопова: – Как могло случиться, что ваша страна, в которой все есть, ничего не имеет и постоянно содрогается в конвульсиях?». То, что российским парламентариям казалось экзотикой, было данью уважения традициям парламентской процедуры и являлось вполне привычным, рутинным делом для самих англичан. Британцы всегда уважительно относились к своим традициям, к своему законодательному органу. Даже в трудные годы нынешнего финансового и экономического кризиса только менее 10 процентов опрошенных считают, что парламент работает плохо. Англичане видят в парламенте залог легитимности и стабильности политической системы, политических отношений. В общественном сознании здесь утвердилось мнение, что меры государственной политики не считаются легитимными, пока не одобрены парламентом. В политической культуре страны предпочтение отдается сильной исполнительной власти, но только в пределах, установленных парламентом. Таким образом, основными особенностями политической культуры англичан являются приверженность демократии, ориентация на конституционные пути защиты своих интересов, лояльность к властям. Стабильность британского общества покоится на согласии относительно основополагающих ценностей общества, его целей и путей их достижения. Ориентиры основных политических сил – смешанная экономика, полная занятость, «государство всеобщего благосостояния». Согласие граждан с законами и нормативная поддержка режима, т. е. правление правительства с общего согласия граждан, – ключ к легитимности политической системы. Характерной чертой британской политической культуры является активная деятельность политических партий, общественных объединений и групп. Однако в наши дни граница между традиционными ценностями правых и левых сил оказывается настолько размытой, что идеологические ориентиры лейбористов и консерваторов трудно различить. Их цели становятся все более прагматичными, сводятся к обсуждению различных сторон управления, мелочей и деталей, а не к каким-либо радикальным планам перемен. Поэтому Великобритания является классическим типом стабильной двухпартийной системы «идеального типа» западной демократии. Немаловажно отметить и такую черту английской политической культуры, как постепенный, эволюционный характер развития страны. После XVII в. здесь не было никаких переворотов, революций и «скачков». Новые политические элементы органично включились в традиционные политические структуры. Такие демократические институты, как монархия и палата лордов,

обычное право и наследственное пэрство, были сохранены и приспособлены к новым условиям, а не упразднены. Не случайно Великобританию принято считать моделью политической модернизации с «низкими издержками». Иной, нестабильный характер носит политическая культура Франции, что обусловлено историческими условиями, парламентской нестабильностью политической системы этого государства. Эта нестабильность проявляется в том, что, во-первых, в истории страны сменилось немало форм правления. Во-вторых, за последние двести лет государство поменяло полтора десятка конституционных актов и избирательных систем. В-третьих, весьма разнообразны были способы замены одного режима другим: и революции, и перевороты, и вмешательство армии, и парламентская борьба. В-четвертых, исключительно подвижной выступает партийная система Франции. Все это не могло не наложить отпечатка на политическую культуру французского общества. Французы гордятся своей революционной историей, борьбой за идеалы свободы и справедливости, своей длительной политической и идейной гегемонией в Европе, своим вкладом в развитие общечеловеческой культуры в целом. Лозунг Великой французской революции «Свобода, равенство, братство» надолго стал выразителем чаяний, символом борьбы за свободу миллионов масс во многих регионах планеты. Центральным элементом политической культуры Франции являлась республика как форма политического устройства. Республиканская традиция всегда содержит в себе начала политического и социального согласия, уважения прав меньшинства и оппозиции, противодействия политическому экстремизму. В этом заслуга политической культуры Франции перед мировой политической культурой. Как пишет А. М. Салмин, «политическая культура Франции с ее наиболее «чистыми» и разнообразными формами политического поведения многие десятилетия была образцом для других стран: этим формам подражали, от них отталкивались, на них учились. Не случайно термины французского политического лексикона, потеряв связи с породившей их почвой, составляли и составляют по сей день основную часть общеевропейского и – шире – общезападного политического словаря. Чистота, отработанность, рациональность, но также и многообразие политических форм во Франции являлись основной причиной того, что значительная часть политических культур, весьма непохожих на французскую, продолжает говорить о себе «по-французски». Во Франции во время Великой французской революции зародились понятия «правые» и «левые» политические силы, когда при обсуждении проекта Конституции на заседании Учредительного собрания 11 сентября 1789 г. депутаты, желавшие, чтобы король мог налагать вето на решение Законодательного собрания, сели справа от председателя, а противники королевского вето – слева. Этот символический эпизод имел далеко идущие последствия в противоборстве демократических и консервативных сил. И демократия во Франции развивалась совсем по иному сценарию, нежели в англосаксонских или скандинавских странах. Там она базировалась на непрерывно действующем избирательном механизме. Французская же демократия «на протяжении 200 лет действовала не столько в рамках существующих форм, сколько «через их голову», время от времени ломая одни формы и создавая другие». Отсюда и определенная фрагментарность формы традиционной политической культуры Франции. Устойчивые расхождения по отношению к основным институтам политической системы долго не могли обеспечить ее стабильность и устойчивость демократического процесса. Однако

ныне эта фрагментарность не исчерпывает ее содержания. Устойчивые мировоззренческие позиции, обуславливающие политическое противостояние, все больше уравниваются в ней не менее прочными установками, препятствующими социальному расколу, ограничивающими опасный для общества идеологический активизм. Во французском обществе заметно падение интереса к так называемой «революционной политической культуре». Радикальные доктрины и идеологии находят все более отрицательный отклик в общественном сознании. Французские политологи пишут о возможности покончить с дихотомией разделения политических сил на правых и левых. Падает престиж так называемых коллективистских ценностей даже в «международной политической культуре Франции». Во французском обществе на современном этапе заметно снижение интереса к политическим партиям. Граждане предпочитают создавать различные непартийные организации, ассоциации и объединения по интересам. На выборах «избиратели и левых, и правых партий при определении своего конкретного выбора оценивают не столько идеологическое обрамление того или иного правительственного курса, сколько его конкретное воздействие на повседневную жизнь, воспринимают его сквозь призму своих личных интересов и стремлений». То есть политическая культура Франции становится все более гомогенной. Что касается политической культуры Германии после Второй мировой войны, то в целом она характеризовалась глубокой аполитичностью граждан. Это явилось результатом чрезмерной «политизации» населения в период нацизма, разочарованием в прежних идеалах, что впоследствии породило негативное отношение ко всему, что связано с политикой. Политика стала рассматриваться не как потенциальное дело всего народа, а как дело тех, кому надлежит ею ведать. Подобные настроения отчетливо проявились как у лиц старшего поколения, так и у молодежи. Для последней особенно заметной стала ориентация на ценности постиндустриального общества, в качестве основополагающей идеи которого на первый план выступает свободное самоопределение человека и идея качества жизни. Этому способствовало исключительно успешное экономическое развитие ФРГ, так называемое «экономическое чудо», интеграция страны в западное сообщество наций. Все это привело к значительному расширению слоев населения, обладающих средним достатком. Отсюда – высокая удовлетворенность уровнем и качеством жизни, существующей политической системой и демократией. В ГДР в это время формировалась социалистическая политическая культура, хотя население в целом оставалось индифферентным к новым политическим идеалам и ценностям. Интересы людей замыкались на интересах семьи, друзей, знакомых по работе. Берлинская стена разделяла нацию надвое, что оказывало сильное влияние на политическое сознание граждан ГДР. Руководству страны так и не удалось навязать народу требуемую политическую культуру. Наряду с официальной социалистической политической культурой возникла реальная политическая культура в поведении и позициях большинства граждан ГДР, которая заметно отличалась от норм официальной политической культуры. Восточные немцы завидовали гражданам ФРГ, уровню их благосостояния.

Падение Берлинской стены и объединение двух Германий породило новые проблемы в политической культуре немецкого общества. «Сращивание» двух культур происходит не безболезненно, восточные немцы чувствуют себя как бы

неравноправными, ущемленными, «нахлебниками» своих западных сограждан, в чем те не стесняются их упрекать. Отсюда и замедленность процессов интеграции. Сказывается различие того, что можно было бы назвать политическим менталитетом. Почти полувековое господство иного политического режима, иной идеологии не могли не сказаться на политическом мироощущении восточных немцев. Как отмечают исследователи, они «более авторитарны, чем западные немцы, в меньшей степени ценят права и свободы конституции и больше ждут от государства, которое они считают ответственным за все проблемы. Экономическое положение дополнительно затрудняет идентификацию с новой системой. В то время как в Западной Германии с 1945 г. экономическое и демократическое строительство шло рука об руку, современное введение демократии на востоке Германии означало введение безработицы, структурного кризиса и большого социального неравенства. Поэтому неудивительно, что в этих условиях уважение к демократии на востоке Германии выражено более слабо, чем на Западе. И все же подавляющее большинство бывших граждан ГДР против возврата к своей прежней системе. Они хотели бы пойти по «третьему пути», который интегрировал бы все преимущества западногерманской и восточногерманской моделей, т. е. демократическую свободу и высокий уровень жизни, всеобъемлющее социальное обеспечение и спокойную повседневную жизнь. Разумеется, такого рода «третий путь» является утопией. Таким образом, политическая культура современной Германии представляет собой противоречивое явление. Она включает в себя элементы разных политических культур. Воссоединение двух германских государств должно превратить их в единую политическую культуру. Этот процесс гораздо более длительный, чем экономическая и социальная инкорпорация бывшей ГДР в Федеративную Республику, ибо изменить давно практикуемый образ мышления и поведения гораздо труднее, чем учреждения. В этом деле определяющую роль играют условия жизни людей. Чем быстрее условия жизни в бывших землях ГДР сравняются с жизненными условиями остальной части Федеративной Республики, тем скорее и политическая культура бывшей ГДР приблизится к доминирующей политической культуре ФРГ. Таким образом, политические культуры разных стран имеют как общецивилизационные черты, так и национально-специфические особенности.

Список использованных источников

1. Лукин, А. В. Мифы о российской политической культуре и российская история / А. В. Лукин, П. В. Лукин // Политические исследования. – 2009. – № 1. – С. 56–70.
2. Скок, Н. В. Политическая культура: теория и методология: монография / Н. В. Скок. – Могилев: Белорус.-Российский ун-т, 2009. – 402 с.
3. Бенхабиб, С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М.: Логос, 2005. – 289 с.
4. Политика: толковый словарь: русско-английский. – М.: ИНФРА–М, Весь мир, 2001. – 768 с.
5. Федорова, Е. В. Афроамериканский фактор в политической культуре США / Е. В. Федорова // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 11. – С. 106–118.
6. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учеб. пособие / Г. Алмонд [и др.]. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.

7. Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке / Алексис де Токвиль. – М.: Весь мир, 2000. – 560 с.
8. Скок, Н. В. Национальные модели политической культуры / Н. В. Скок. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. – 232 с.
9. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–134.
10. Пикуль, В. С. Нечистая сила / В. С. Пикуль. – М.: АСТ: Веча, 2008. – 765 с.
11. Осипова, Е. В. Социология политической культуры Великобритании / Е. В. Осипова // Социологические исследования. – 1992. – № 4. – С. 97–105.
12. Салмин, А. М. Природа и роль базовых политических ориентаций (на примере Франции) / А. М. Салмин // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2005. – № 3. – С. 192–211.
13. Цыганков, П. А. Политическая культура и национальные школы социально-гуманитарного знания (пример французской теории международных отношений) / П. А. Цыганков // Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации: материалы «круглого стола». – М.: КДУ, 2009. – С. 144–51.
14. Мейер, Г. Германия –одно государство, две политические культуры / Г. Мейер // Вестн. МГУ. Сер. 12. –1994. –№ 4. –С. 66–9.